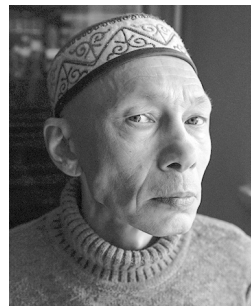

Василий Мурашовский

ЖИЗНЬ ЛИСТАЯ КРЫЛОМ

КЛАССИЧЕСКОЕ

Светосквоженье грусти осени
в зелёном, алом, золотом
покрове лиственный отбросим ли
от сердца не сырым умом?!

Прозрачной дрожью воздух Божий
роится в храмах корневых...
Воскресно-синим бездорожьем
сквозит судьбы предзимний стих...

Уже не сущее тревожит,
а то, что прячется за ним...
Смерть паруса души верложит
для встречи с ветром неземным...

* * *

Сказка
держит на весу
жизнь, что бережно несусь
над реальностью – над бездной
безвоскресной...
Мне знакома детства ласка,
в ней к спасению подсказка:
свято верить в добрый свет,
даже
если его нет...

Не боится ржи и кражи
выстраданность силы слова,

что выводит из могилы
духа жажду
вновь и снова –
к шестикрылым...

* * *

О, голоса любимых мною
поэтов, словно
небеса,
в которых аурой родною –
вне взглядов –
рядом
чудеса,
о, только слово,
только слово,
и в мясорубке грубых дней
сохранности души основа –
присутствие родных теней,
стихотворенье –
ощущенье,
вне впечатленья
на других,
дарующее просветленье
духовности, вошедшей в стих.
Истлели жаждущие губы,
над самым милым – ряд могил,
но снова,
снова,
снова,
снова
лишь то реально, что любил...

* * *

Вот они идут, пение их слышу,
дышат луговой
свежестью в ночи,
ветер неземной
пряди их колышет
пламенем свечи
в памяти живой...

Воздухом былин
мой балкон раздвинут,
серые дома уплывают прочь,
от могильных глин
гимном лебединым
к небесам единым
поднимает ночь
бдений
над строкою,
приходящей
вольно,
через взгляд неспящий
в дали февраля
устремлённый длинно
над былой
тоскою,
над судьбой
юдольной,
гибелью разящей
воскрешений для...

* * *

Танцует молодость моя,
не зная, над какою бездной
в какие занесёт края –
ещё до музыки воскресной,
ещё до горестных разлук
во тьме кромешной жаждой света
бессмертного,
ещё мой друг
со мною рядом – не над Летой,
друзья незнания полны
о подоплёках общих бед,
все мы – сыны одной страны,
которой лучше в мире нет,
ещё не знаем про Афган,
Таджикистан, Чечню, ГУЛАГ,

счастливый танец был нам дан
до войн, до тюрем – красный флаг
кровавым не казался нам,
по головам не бил нас молот,
серп не косил; когда был молод,
на танцы не ходил и дам
прекрасных лишь в стихах встречал...

* * *

Снег – колючий, ветер – лёгкий,
ветки – чернь, снег – серебрист,
этой ночью – город чист,
свежесть неба – в моих лёгких,
в сердце музыка звучит
та, в которой колкость тает,
хор из детства отпевает
боль утрат и соль обид...

* * *

Мотылёк умирает,
не читая
сакрального текста
о рождении новом,
жизнь листает
крылом,
пока живо оно и здорово,
две недели, чуть боле,
он волен
крестить окоём
шелковистою матрицей крыл,
если раньше его, как вредителя,
мы не убьём.
Наших книг он не знает,
в них
вникать не умеет,
но зато сколько мигов живых
через взгляды в сердца наши сеет...
Кто, ответьте,
следить за полётом его не любил,
забывая
о смерти?!
С танцем маминых рук
в нашем детстве над тестом
мучнистостью схожий,
луговой микро-ангел,

проповедник полёта свободного
 Божий...
 Мотылёк умирает,
 не читая сакрального текста
 о рождении новом,
 жизнь листает крылом,
 пока живо оно и здорово...

* * *

Черты лица и образ в целом
 я в каждой кроне узнаю:
 дриады водят снегом белым
 свой хоровод,
 и я пою
 душой о смелом
 и высоком,
 о первозданном, о былом,
 что длится ныне в честных строках,
 ветвится в мыслях, бурелом
 судьбы земной не называет
 сгубившим лихом,
 словно сокол,
 из казематов мира рвётся
 в прекрасный окоём,
 о коем
 под током
 бед
 легко поётся,
 и на загробном на лугу
 любое лихо тихо
 гнётся
 в высоковольтную дугу
 пророков,
 выстрадавших свет,
 с которым даже смерти нет,
 не то что серости и скуки,
 целую ветки, словно руки
 устами чуда наяву,
 так и живу,
 дым сигарет
 мне не мешает
 красоту
 в живой природе узнавать
 и раскрывать
 свою тетрадь,
 почуяв в сердце высоту,

что человека сна лишает,
 к кресту высокому ведёт,
 сквозь корни в небеса вбивает,
 и он, как дерево, растёт...

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ НАЗАРОВОЙ

1

Жил человек – звонил,
 на вечер звал
 читать стихи...

Назаровой не стало,
 и нет уже
 внимающего зала...

Боль немоты присутствует в душе...

На вечера её я приходил,
 она меня, как близкого, встречала,
 и зал родною речью в сердце плыл...

Наземные грехи
 поэзия сжигала...

Я атмосферы братства не забыл!

Немало муз Светлана опекала
 и не жалела уходящих сил
 ради того, чтоб музыка звучала
 в любом, кто речь родную полюбил
 за то, что небом на земле качала,
 за то, что разных нас в одно сливала,
 за то, что Бог в ней с нами говорил...

Мир праху, царствия небесного,
 и пухом
 земля пусть будет,
 люди
 говорят,
 но слышу голос
 запредельным слухом:
 «Кто словом жил,
 хоть сколько лет подряд,
 в нём будет жить,

ведь слово – это Бог,
 Бог
 строк,
 Бог
 сердцем чуждых дорог...»

Сквозь боль утраты тихо говорю:
 «Ты с говорящими в одном строю,
 что не делю я на поэтов,
 не поэтов,
 спасибо, Света!»

2

Света
 переклички –
 с того на этот –
 с этого на тот,
 спасают личности от обезлички,
 над бездной
 всем известной,
 их
 в народ
 сзывает стих
 воскресный,
 что непрейдёт,
 как небосвод,
 как память светлая
 вошедших в круг
 словесный,
 спасибо, друг!

3

Берёзкой, ветлою,
 карагачом,
 к плечу плечом
 растаем мы
 в Прекрасный Лес
 небесный,
 в нём козырь – дуб...

Смотрю я неуклонно
 туда,
 где над могилою звезда,
 сияя, пробует на зуб
 то золото, что золото всегда, –
 свет внутренний,
 что не боится тьмы...

И кровной сердцу корневою кроной
 под ветром горним каждая
 беда
 любви моей от Господа наклоном
 кивает...

Жаждою
 духовною томимый,
 о шестикрылости друзей
 не забывает...

И их, и город свой любимый,
 любой,
 ушедший к Богу,
 осеняет
 покровом
 крепости незримой...

Вновь
 выхожу один я на дорогу,
 астральными беседами хранимый,
 где судьбы говорят с моей судьбой
 поющим словом
 про бессмертную любовь,
 что распинаемая днесь
 неодолима,
 как Благая весть...

Воздушно-каменный театр
 времён растущих
 встал на ноги сейчас и здесь,
 и все хотят увидеть всех,
 рождённых, гибельных
 и смерти неимущих...

О, братство, над могилами поющих
 вневременной и вездесущий –
 заветной человечности успех...

ОДА РОССИИ

Льва Толстого – на самокрутки,
 Достоевского Лазарь –
 утварь сортира,
 Гумилёва – в овраг,
 Мандельштама – в барак

под сермяжные прибаутки,
 но фашизма гарцующий мрак,
 несмотря на глубокие язвы,
 с Божьей
 силой,
 с сакральной дрожью –
 победила
 Россия моя –
 внук священника вятского я,
 что расстрелян в тридцать седьмом
 за бессмертную верность Христу,
 не сломили тебя
 годы красного зла,
 ты хранила
 под
 гнётом ангажированного вранья
 взлёт
 над Камой Марины
 и Иосифа «Пеньё без музыки» впрок,
 ты носила
 под сердцем нетленную красоту,
 нескудеющей мощью
 наливаясь незримо,
 ты сегодня, как
 флаг,
 что в руках держит Бог
 посреди сатанинского мира...

* * *

Серпом и молотом ласкала,
 толкала
 в царствие оскала
 империя щедрот
 нечестных
 и вот пропала
 безвоскресно,
 но выжил, как и встарь,
 народ,
 ему, что царь, что секретарь,
 он песни вечные поёт,
 идёт
 в больницы и в темницы,
 сам нищий – нищим подаёт,
 любим
 отчизною небесной,
 распятым Господом храним...

* * *

Что поэту сказать
 о народной нужде –
 о нелёгкой заботе о жилье и еде,
 как связать благодать единиц
 с нищетой,
 с беспризорностью многих
 у дворцов под пятой,
 с беспределом,
 лютующим в тюрьмах,
 в судах,
 с равнодушием к старости тех,
 что в трудах
 с верой в лучшее Родины
 крест гражданства несли?

Что сказать?

Людям добрым
 поклонюсь до земли!

Дорогие мои,
 в ваших семьях – добро,
 в них порядочность – благо,
 не серебро.
 Ни корысти,
 ни зависти
 в них не найти,
 вы привыкли идти,
 в самом трудном пути
 сохраняя возможность
 улыбаться
 друзьям,
 помогать выбираться
 из жизненных ям...

Верю истово
 в свой благородный народ –
 в тот,
 что вырождков
 переживёт...

И желаю ему навсегда,
 навсегда,
 чтоб хранила его
 Божьей правды
 звезда.

* * *

Я смотрю на скукоженность листьев,
 что с картоном ведут переклички
 своим цветом –
 среди жёсткости веток
 опалённые холодом птички,
 лисьи мордочки их – невелички,
 как в камине остывшем прах писем,
 грациозно-хрупки и бугристы,
 а вокруг фонарей аметисты,
 янтари, изумруды, сапфиры,
 в грозди лиственной нечто от лиры,
 что под молотом тяжким, зубристым
 полумесяцем жниц,
 всё же пела
 гимны вольности голосом чистым,
 не упавшим до злобной сатиры,
 будет май, будут почки,
 листочки –
 их медовость
 покроет бедовость
 этих гордых скульптур,
 чья суровость –
 утверждение верности крову
 кровной кроны, к корням приводящей
 мертвецов, воскресающих снова...

Так и слово
 всех на смерть стоящих
 на его нерушимых основах...

* * *

Лёгкое движение
 ветерка в листе –
 головокружение
 неба в голове.
 Где бывшее жжение
 знойных моих дней?
 Там, в переплетении
 кряжистых корней,
 плоть налита тяжестью,
 а душа легка –
 в её крыльях княжеством
 страны и века.
 Будет корона голою,
 будет в листьях вновь,
 будем новосёлами
 там, где царь – любовь.
 Лёгкое движение
 ветерка в листе –
 головокружение
 неба в голове...

Василий Алексеевич Муратовский родился в 1959 году в Алма-Ате. Служил в армии. Окончил первый курс исторического факультета КазГУ. Работал бетонщиком, кочегаром, путевым рабочим, слесарем-сборщиком, грузчиком. Успешно закончил филологический факультет Алма-Атинского государственного педагогического университета им. Абая.

С 1990 года публикуется в казахстанских журналах «Простор», «Аманат», «Книголюб», «Арай», «Жалын», в «Литературной газете Казахстана» и в ряде международных литературных альманахов. Автор сборника стихов «Пою, как пел, безумно бел...» (1992), поэтических книг «Сквозьземный росток» (2000), «Корни и кроны» (2008).

